

Бумага: её невозможно достать

Пока я висела на спине Ральфа, мы подошли к внешней стене.

Она была построена для защиты города, поэтому она гораздо выше, чем здания неподалёку. Около двух-трёх этажей по японским стандартам, и она довольно массивная. Ворота в ней расположены по каждую сторону света, около которых размещены несколько солдат для проверки проходящих путешественников.

Эти ворота были южными, и я увидела солдат, стоящих рядом. Один из них, возможно, был моим отцом. Я не могла понять, кто именно, но Тори, похоже, знала. Она прижала свёрток к груди и побежала вперёд, махая рукой.

— Папа!

Он выглядел удивлённым.

— Тори, в чём дело?

— Ты оставил что-то дома! Мы пришли отдать это.

Тори, ты так добра. Ты слишком добра! Со своим прошлым отцом я не была и наполовину такой доброй. Наверное, показались мои настоящие чувства, заключающиеся в «мама бы разозлилась, если бы узнала, что ты оставил это дома, и был бы скандал. Ты забыл, что случилось утром?»

Папа с облегчённым вздохом протянул руку, чтобы взять свёрток.

— О-ох, я спасён! ...хм? Ты оставила Мэйн одну?!

Отец нахмурился. Кажется, он не заметил никого, помимо любимой дочки Тори, не заметил компанию Ральфа и меня, свою вторую любимую дочку, прижимающуюся к спине Ральфа.

Тори энергично покачала головой и указала на остальных.

— Нет-нет, она тоже здесь! Смотри, она на спине Ральфа.

— А? О! Ясно.

Он огляделся вокруг, чувствуя себя неловко из-за того, что не заметил нас, а затем похлопал Ральфа по голове.

— Прости, что тебе пришлось нести её всю дорогу, Ральф.

— Мы шли в лес, поэтому нам было по пути.

Ральф немного беспокоился из-за того, что папа потрепал его по волосам. Он опустил меня, а затем забрал свои вещи у Лутца и Фэя.

— Спасибо, Ральф, — произнес отец, — Лутц, Фэй, вам тоже спасибо.

Мы проводили Ральфа и его друзей, проведя их через ворота, а потом мы с Тори пошли в комнату ожидания у ворот. Стена была достаточно широкой, чтобы разместить в ней комнату три на четыре метра. Эта комната была не такой большой, так что, похоже, она служила и комнатой ожидания и комнатой для ночного дежурства. Комната ожидания была очень просто обставлена: стол, парочка стульев и шкаф.

Я взволнованно смотрела вокруг, словно первый раз была в другой стране. Спустя некоторое время один из коллег отца принёс нам воды.

— Вы такие хорошие детки, принесли папе то, что он забыл.

Нам понадобилось около двадцати минут, чтобы дойти от дома до ворот в темпе Тори, поэтому я была невероятно благодарна за воду. Я залпом выпила всё, что было в деревянной кружке, а затем громко вздохнула.

— А-а-ах, вкусно! Я будто ожила!

— Мэйн, разве ты не прошла всего два шага?

После этих слов все начали смеяться. Я пыталась выглядеть расстроенной, но не могла возразить, ведь все видели, как Ральф нёс меня. Я налила себе ещё одну кружку, пока все смеялись надо мной.

В комнату зашёл ещё один солдат. Он взял с полки деревянную коробку, которая, похоже, предназначалась для инструментов, а затем сразу вышел. Атмосфера была напряженной, и я нахмурилась.

— Папочка, что-то случилось?

— Наверное, через ворота проходит кто-то, кому нужно уделить особое внимание. Не о чем беспокоиться.

Папа мог пренебрежительно махнуть рукой, говоря, что здесь нет ничего такого, но я не могла, поскольку волновалась, когда возникала такая ситуация. Всё правда хорошо?

То есть, это же ворота. У солдат переполох. Разве это не тревожный сигнал?

В отличии от меня, Тори спокойно сидела, наклонив голову на бок, будто ничего опасного здесь не было.

— А кому нужно уделять особое внимание? Я видела их раньше?

Похоже, Тори не могла представить никого, кто потревожил бы солдат, хоть она и проходила через ворота довольно часто. Наш отец задумчиво потёр щетину на подбородке, а затем ответил.

— Э-эм, это может быть кто-то похожий на преступника. Или это может быть аристократ, о котором надо сообщить лорду.

— О...

Если он говорил о людях, выглядящих как преступники, то это значит, что они делают вывод о человеке только по внешности. Хотя, судя по тому, как всё устроено, маловероятно, что здесь доступен какой-либо способ передачи информации, поэтому у них нет другого выбора, кроме как останавливать каждого подозрительного человека.

— Мы оставляем их ждать в другой комнате, пока начальство не решит, можно ли пускать их в город.

А-а-а, это значит, у ворот должно быть несколько комнат ожидания. Теперь я поняла. Конечно, у помещений для знати и преступников должны быть существенные различия, начиная с размера комнаты и заканчивая качеством мебели. Жизнь несправедлива, независимо от того, в каком мире вы находитесь.

Пока я думала обо всём этом, молодой солдат вернулся, поставив на место коробку, а также цилиндрический предмет, похожий на трубу. На его лице не было и следа тревоги, как должно быть в экстренной ситуации. Похоже, отец был прав, ничего серьёзного.

Солдат, держа что-то в левой руке, подошёл к отцу, поднял правый кулак, а затем дважды постучал им по левой стороне груди. Отец встал, выпрямился и повторил этот жест. Возможно, так отдают честь в этом мире.

— Отто, докладывай, — папа говорил с таким выражением на лице, которое я никогда не видела дома.

— О-ох.

Я видела только то, как он бездельничает, так что это было что-то новенькое. У него строгое выражение лица, и он выглядит по-настоящему крутым.

— Граф Ловенвалт хочет пройти через ворота, сэр.

— Его печать?

— Подтверждена, сэр.

— Хорошо, он может пройти.

Отто снова отдал честь, а затем сел в кресло напротив меня. Он поставил деревянную коробку прямо на стол рядом с собой, а потом обеими руками вытащил какую-то вещь. Она не была гладкой как бумага и не пахла так же, но сразу привлекла моё внимание.

Пергамент?!

Не знаю, правда ли это пергамент, но это точно что-то вроде бумаги, сделанной из кожи животного. Я не могу прочитать, что там написано, но эти слова составлены из букв местного алфавита. Я внимательно следила за тем, как Отто вытащил коробочку с чернилами и перо из тростника, а затем начал писать что-то на пергаменте.

Е-е-е-е-е-е-е-е!!! Письмо! Существует человек, который умеет писать! Это первый цивилизованный человек, которого я встретила в этом мире. Я совершенно точно хочу, чтобы он научил меня читать на их языке!

Пока я думала, мой взгляд был прикован к рукам Отто, как будто хотел поглотить их. Папа положил руку мне на голову и потрепал волосы.

— Что такое?

Я взглянула на отца, а затем указала на вещь, выглядящую как пергамент. Если я не узнаю, как это называется, то не смогу спросить об этом позже.

— Папочка, папочка! Что это?

— А, это пергамент! Бумага из кожи коз и овец.

— А эта чёрная вещь?

— Чернила, а вот это перо.

Как я и думала! Я нашла бумагу и чернила и теперь могу делать книги. Я так счастлива, что мне захотелось танцевать, но я старалась оставаться спокойной. Я крепко сжала руки перед собой, очаровательно посмотрела вверх на своего отца и изо всех сил стала выпрашивать.

— Эй, папочка. Можно мне такое?

— Нет, Мэйн, это не игрушка.

Хоть я и пыталась задействовать всё очарование маленькой девочки, он отказал моей просьбе. Конечно, этот отказ не означал, что я собиралась бросать попытки.

Когда речь идёт о книгах, я жестока, как кусачая черепаха, и прилипчива, как жвачка на подошве ботинок. Не стоит недооценивать мою привязанность!

— Я хочу писать! Правда-правда. Пожа-а-а-алуйста!

— Нельзя, Мэйн! Ты даже не умеешь писать.

Конечно, если вы не умеете писать, то вам не нужны ни чернила, ни бумага. Именно по этой причине появилась возможность обернуть слова отца против него.

— Я смогу, если ты научишь меня! Если я смогу, то мне можно?

Молодой солдат с более низким званием умеет писать, так что кто-то вроде моего отца, выступающий в роли начальника, тоже должен. Никогда бы не подумала, что кто-то, умеющий писать, может жить в доме без единого листка бумаги, но я рада, что ошибалась. Если папа научит меня читать и писать, тогда чтение книг этого мира больше не будет недостижимой мечтой.

Пока я сидела с прилепленной к лицу широкой улыбкой, находясь в одном шаге от осуществления своих желаний, кто-то сдавленно усмехнулся. Я осмотрелась, пытаюсь найти источник звука, и увидела Отто, еле сдерживающего смех, будто наши с папой разговоры о перьях и чернилах были чем-то странным.

— А-ха-ха-ха, она сказала «научишь меня»... хе-хе, сэр, а вы не очень хороши в письме?

С громким треском все мои мечты разбились. Улыбка застыла на моём лице, будто кто-то вылил на меня ведро ледяной воды.

— А? Папочка, ты не умеешь писать?

— Я более-менее умею читать и писать. Я работаю и с бумагами, поэтому надо уметь читать, но не более того, что встречается на работе. Достаточно того, чтобы я мог на слух записывать имена людей, приехавших издалека.

— О-о-ох...

Я вздохнула, угрюмо смотря на своего отца, пока он извинялся. И так, похоже, грамотность моего отца заканчивается на понимании алфавита для того, чтобы записывать имена людей. Хотя Отто сказал «не очень хорош», но он был на уровне первоклассника, делающего ошибки в именах своих друзей. Честно говоря, он бесполезен.

— Эй, не смотри так на своего папу! — с нервным видом сказал Отто, заставивший меня так резко поменять своё мнение об отце. Теперь, будто оправдывая папу, он начал объяснять обязанности солдата.

— Работа солдата — сохранять мир в городе, но во время крупных мероприятий, на которые приглашают дворян, рыцари обычно получают письменные инструкции, во время небольших событий всё согласовывается устно. Мы видим не так много разных людей. Достаточно уметь просто записывать их имена.

У отца был шанс взять себя в руки и вернуть свою гордость, пока Отто оправдывал его. Похоже, мой взгляд сильно задел его чувства.

— Почти никто из крестьян не умеет читать, кроме глав деревень. Я вообще-то удивительный, знаешь ли!

— Вау, ты невероятен, папочка! Могу я взять это? Пожа-а-а-алуйста?

Ты невероятен, папочка, так что ты можешь под фанфары подарить своей любимой дочери сто листов бумаги. Я с мольбой заглядывала в его глаза, но он засомневался и сделал шаг назад.

—...одна страница стоит месячного жалования, и давать её ребёнку...

Что ты сказал?! Месячное жалование?! Чт... как много стоит пергамент?! Это... хоть я и не ребёнок, это не та вещь, которая должна быть вне моей досягаемости.

Причина, по которой дома не было бумаги, и причина, по которой в городе не было книжных магазинов, совпадали. Цена, которую простолюдины не могли себе позволить. Неважно, как долго я буду выпрашивать бумагу, моей семье едва хватает денег на продукты. Никто не купит мне бумагу.

Потерпев поражение, я опустила плечи. Отто мягко погладил меня по голове, пытаясь подбодрить.

— Ты не найдёшь бумагу в магазинах, куда ходят простолюдины. Её могут позволить себе дворяне или же торговцы и правительственные чиновники, поэтому дети всё равно ей не пользуются. Если хочешь научиться писать, почему бы не взять табличку из глины? Как насчёт той, что использовал я, когда учился?

— Правда? Это замечательно!

Я тут же кивнула и согласилась на то, чтобы взять её. Я ждала слишком долго и слишком сильно хотела научиться писать, поэтому собиралась взять Отто себе в учителя.

— Спасибо, дядя Отто! Прошу, можете научить меня писать? Пожалуйста!

Пока я давила на Отто своей очаровательной улыбкой, отец смотрел на нас двоих с жалобным выражением лица, но я не обращала на него внимания.

Практиковаться в письме, получить табличку, на которой можно писать — этого достаточно, чтобы растопить моё сердце, но, если я правда хочу делать книги, нужно достать бумагу. В конце концов, невозможно оставить текст на глине. На ней пишут, а затем стирают, как с доски. Она отлично подходит для практики письма, но не подходит для книги.

Мне даже не приходило в голову, что бумага может быть недоступна простолюдинам. Хм-м, как же мне сделать книгу, если у меня нет бумаги? Если я не могу достать бумагу, то что мне нужно сделать? Что я могу сделать?

Разве я не могу сделать её сама?

Прежде, чем делать книги, мне нужно начать делать свою бумагу. Однако изготавливать бумагу не так-то просто. Не думаю, что ребёнку такое по силам.

Гр-р-р-р, дорога к книгам слишком долгая!!!

<http://tl.rulate.ru/book/6509/123091>